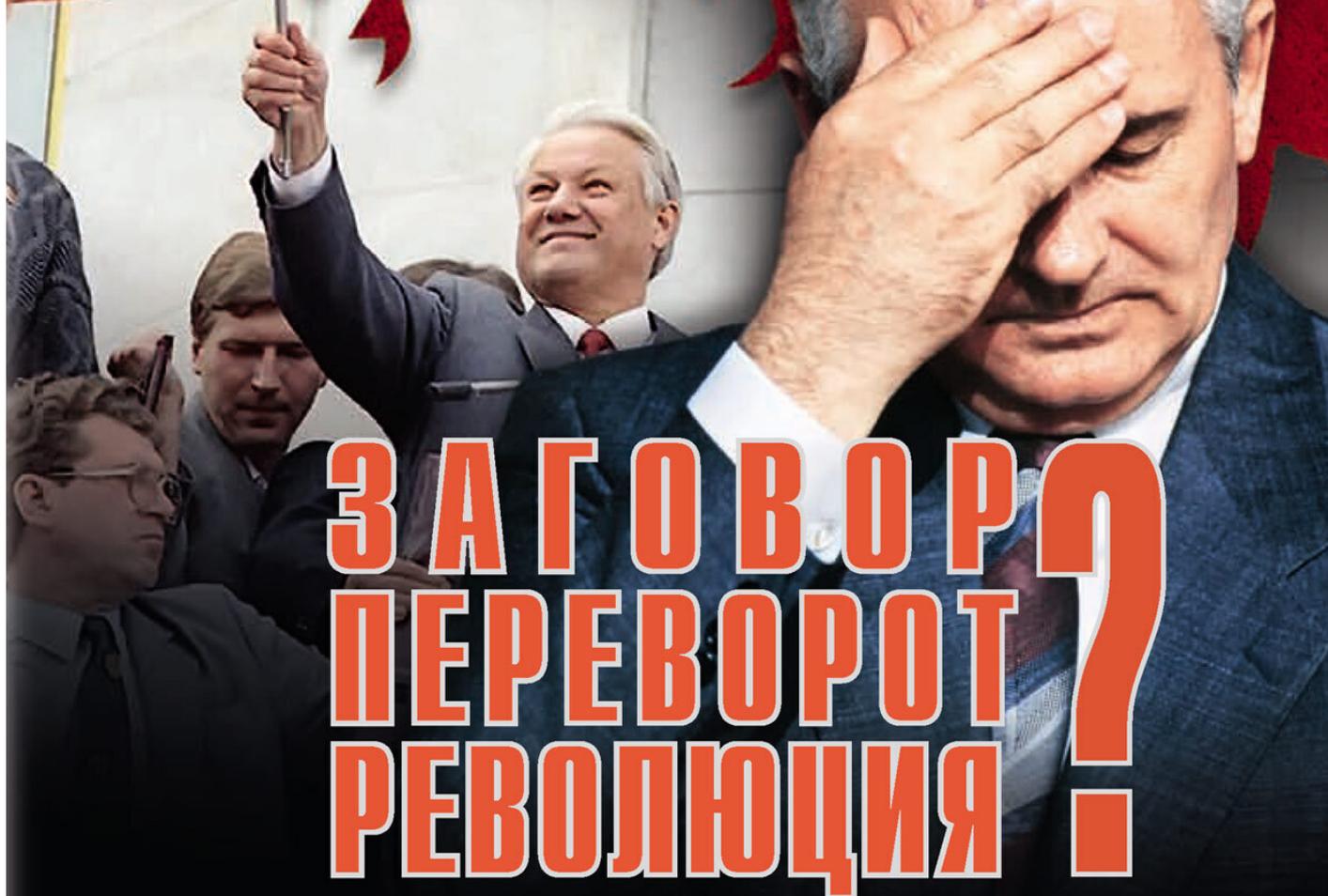

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

1991

ЗАГОВОР
ПЕРЕВОРОТ
РЕВОЛЮЦИЯ ?

На подмостках истории

Леонид Млечин

**1991. Заговор?
Переворот? Революция?**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2021

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

Млечин Л. М.

1991. Заговор? Переворот? Революция? / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2021 — (На подмостках истории)

ISBN 978-5-6045985-8-0

Трагические события 1991 года изменили судьбу нашей страны. Но не только августовский путч, но и многое другое, что происходило в том году, все еще таит в себе множество тайн и загадок. Люди, далекие от власти, и не подозревают, что в основе большой политики лежат изощренные интриги, и даже благие цели достигаются весьма низменными средствами. Иногда со временем мы узнаем подлинный смысл этих интриг. Иногда все это остается для нас тайной. В своей книге Л. Млечин, опираясь на неизвестные прежде документы и свидетельства непосредственных участников событий, в первую очередь высокопоставленных сотрудников комитета госбезопасности РСФСР, рассказывает, как в том году развивались события в стране. Книга предназначена для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6045985-8-0

© Млечин Л. М., 2021

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2021

Содержание

От автора	6
Встреча нового года	7
Секретная записка Крючкова	9
Кто придумал КГБ РСФСР	12
Полковник Степашин из Питера	14
Появляется генерал Баранников	16
Гений канцелярии	19
Как возник праздник 12 июня	22
Кадровый пасьянс	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леонид Млечин
1991. Заговор? Переворот? Революция?

© Млечин Л., 2021

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2021

* * *

От автора

1991 год переменял судьбу России. Этот памятный всем нам период истории вместил в себя множество драматических и трагических событий.

19 августа 1991 года страна проснулась и узнала, что президент СССР Горбачев отставлен от должности, а всем управляет Государственный комитет по чрезвычайному положению. Три десятилетия спустя августовский путч кажется смешным и нелепым, дворцовой интригой, кремлевской опереткой. Одни с трудом вспоминают, что Михаила Сергеевича вроде бы заперли в его летней резиденции в Форосе, другие уверены, что он сам, не желая отказываться от морских купаний, послал других железной рукой навести порядок в стране, а потом почему-то обиделся на них и велел арестовать...

Конечно, даже недавняя история быстро забывается. Но те, кто наблюдал за событиями не со стороны, кто находился тогда в Москве, помнят, что было не до шуток.

Почему путч затеяли 19 августа? Дата выбрана не случайно. Днем позже было бы поздно. 20 августа предстояло подписание нового Союзного договора, который сохранил бы единое государство в обновленной форме.

ГКЧП продержался всего три дня. Но эти три дня разрушили нашу страну. Сразу же после путча Украина, вторая по значимости после Российской Федерации советская республика, декларировала свою независимость. А если бы не путч, Украина подписала бы 20 августа новый Союзный договор... Так что в декабре в Беловежской пуще лишь оформили уже случившееся.

Не только августовский путч, но и многое другое, что происходило в 1991 году, все еще таит в себе множество тайн и загадок.

Встреча нового года

Накануне нового 1991 года в традиционном обращении к советскому народу президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев предупреждал сограждан:

– Будущий год особый. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства. Для всех нас, советских людей, нет более святого дела, чем сохранение и обновление Союза, в котором вольно и хорошо жилось бы всем народам. Народы страны жили вместе столетиями. Их объединяют ценности, накопленные за советские годы, связывает память о Победе в самой разрушительной войне. Мы сейчас, может быть, как никогда остро чувствуем, что нельзя нам жить, отгородясь друг от друга. Да и выйти из кризиса, подняться на ноги, твердо пойти по дороге обновления мы сможем только сообща. Именно в Союзе, его сохранении и обновлении – ключ к решению огромных, судьбоносных задач, стоящих перед нами в 1991 году.

Но все пойдет по-другому.

Советский президент был самым информированным человеком в стране. Но никому не дано знать его будущее.

Некоторых героев этой книги, в основном высших офицеров госбезопасности, я спрашивал, помнят ли они, как встречали первое января девяносто первого? Предполагали, что в новом году страну и их самих ждут невероятные перемены?

Генерал Виктор Валентинович Иваненко:

– Встречал дома, с женой и с детьми. Кто-то из друзей заглянул в гости. Какими-то особыми событиями тот Новый год в памяти не отпечатался. Я, конечно же, не представлял, что произойдет в дальнейшем.

Генерал Сергей Вадимович Степашин:

– 1 января 1991 года я был в Ленинграде. У меня там оставалась семья. Поехали к друзьям, с которыми в училище преподавал, вместе воевал во внутренних войсках. Машины у меня не было, добирались на переполненном автобусе. Как сейчас помню, в давке торт помяли. Что судьба может так резко измениться, в голову не могло прийти.

Генерал Евгений Вадимович Савостьянов:

– Новый год встречал дома. А где еще? С друзьями, в обычной компании. Что касается грядущих перемен... Для меня было очевидно, что девяносто первый год – это год, когда КПСС рухнет. Но я понимал, что задача низвержения коммунизма не самая сложная из стоящих перед нами задач, с ней мы как-нибудь справимся. Гораздо труднее преодолеть многовековую традицию несвободы народа. Я же все-таки варился в это время в каше демократических движений – с латышами и литовцами, с таджиками и армянами, с грузинами и азербайджанцами, и видел, что Советский Союз заканчивается. Это было довольно очевидно.

Генерал Валерий Борисович Ямпольский:

– Новый год встречал с семьей. Был такой подъем! После начала перестройки мы, уже люди опытные, прошедшие большой путь в органах безопасности, радовались. Я вам точно скажу: как дети радовались. Мы понимали, что должны быть перемены, и радовались, что они пришли. Но мы не предполагали, что вывернутся они в совсем другую сторону. Я думаю, что и никто не предполагал.

Генерал Сергей Николаевич Алмазов:

– Я только приехал в Москву, широкого круга друзей еще не было, так что встречал в тесном семейном кругу. А год, конечно, наступал тревожный. Работа в Инспекторском управлении КГБ позволяла получать значительный объем информации, стекающейся, по сути дела, со всего Советского Союза. Я работал в отделе, который курировал территориальные органы Российской Федерации, поэтому относительно происходящего в России для нас темных пятен

не было. Понимали, что вот эта ситуация, бурлящая, просто так не закончится. Во что-то она выльется. Но в какой форме и какое место нам будет отведено...

Последний руководитель КГБ Чечено-Ингушетии полковник Ахмет Цуцаевич Хатаев:

– Собрались близкие мне люди, друзья. У меня Новый год плавно перетекает в день рождения, я девятого января родился. Приехал младший брат, он дипломат. На Новый год ничего не предвещало последующих событий. Абсолютно не было ощущения, что в жизни республики могут произойти такие катаклизмы. Но внутреннее напряжение чувствовалось. А основания для того, чтобы социальное напряжение возникло, складываются не за минуту.

Государственный секретарь России Геннадий Эдуардович Бурбулис:

– Мы все жили тогда в Архангельском, дачном поселке российского правительства. У нас там сложилась коммуна реформаторская. Начали отмечать у нас, на небольшой дачке, потом пошли к соседям... Кто-то пельмени слепил хорошие – туда сходили. Кто-то наливку домашнюю приготовил, или родители что-то прислали... Конечно, мы не предполагали, что так все произойдет. Но настраивались на тяжелую работу. Если берешься заменять старые порядки новыми, тебя ожидает равнодушие тех, кому эти новые порядки предназначены, и жестокое сопротивление тех, кому старые порядки дороги.

Секретная записка Крючкова

17 марта 1991 года состоялся референдум. Жителей страны спросили: хотят ли они сохранения Советского Союза как обновленной федерации равноправных и суверенных республик?

За сохранение Союза, уже распадавшегося на части, высказались три четверти опрошенных. Похоже, «за» проголосовали и те, кто в реальности жаждал обрести самостоятельность.

Горбачев говорил своим помощникам, что если народ проголосует против Союза, ему придется уйти. Но исход голосования дал Михаилу Сергеевичу шанс. Он его использовал, выдвинув неожиданную идею: принять новый Союзный договор, который ослабит власть центра и даст больше полномочий республикам.

Предложение Горбачева приняли девять республик из пятнадцати, входивших в СССР. Шесть – Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия – отказались.

Для председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина горбачевская инициатива была полной неожиданностью. Но он эту идею поддержал.

Через несколько лет все начнут клясть Ельцина за Беловежские соглашения. Но в конце советской эпохи многие люди самых разных взглядов отнюдь не возражали против того, чтобы выделить Россию из Советского Союза, избавить ее от необходимости заботиться о других республиках и дать ей возможность развиваться самостоятельно. Этот вариант казался разумным и практичным.

Помощник президента СССР Анатолий Сергеевич Черняев, фронтовик, прошедший всю войну, записал в дневнике:

«Многонациональную проблему Союза можно решить только через русский вопрос. Пусть Россия уходит из СССР, и пусть остальные поступают, как хотят. Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть великой державой. Ну и что? Переживем и вернем себе это звание через возрождение России».

Характерные для той поры мысли.

23 апреля 1991 года лидеры девяти республик встретились с Горбачевым в Ново-Огарево. Это старинная усадьба в сосновом бору на берегу Москвы-реки. Там есть двухэтажный дом приемов. На втором этаже и шла работа над проектом нового Союзного договора.

«Некоторое время соглашение «9+1» было источником своеобразной эйфории, – вспоминал помощник президента СССР Георгий Хосроевич Шахназаров. – Слово в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга».

Спор шел в основном между Горбачевым и Ельциным. Борис Николаевич от своей позиции, как правило, не отступал. Так что дискуссии обыкновенно завершались в его пользу.

Эти два человека ревниво следили друг за другом. У Горбачева оставалась формальная власть над всей страной и мировое признание. У Ельцина – неясная должность российского лидера и народная поддержка. Ельцин завидовал Горбачеву, который уже был президентом и у которого в руках было все. Горбачев завидовал Ельцину, за которого голосовали простые люди и в поддержку которого собирались огромные митинги.

За два с половиной месяца до этого, 7 февраля 1991 года, Верховный Совет России постановил одновременно с союзным провести республиканский референдум с вопросом: «Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?»

Геннадий Бурбулис:

– Нам Верховный Совет блокировал идею президентства. А тут союзное руководство придумало референдум. И Россия получила неожиданный подарок, потому что вопрос о всенародном одобрении идеи президентства мы вынесли на обсуждение.

Многие председатели Верховных Советов республик уже поспешили переименовать себя в президенты. Ельцин хотел последовать их примеру. Его, как и раньше Горбачева, раздражала необходимость день за днем высидывать на заседаниях Верховного Совета.

Горбачев годом раньше нашел способ избавиться от этой изматывающей работы. В марте 1990 года на третьем Съезде народных депутатов он был избран президентом Советского Союза. Бюллетени считали всю ночь напролет. Результаты голосования объявили утром. Горбачева заранее оповестили о том, что он избран. Михаил Сергеевич принял присягу и стал первым советским президентом. И последним, но тогда, разумеется, никто об этом не знал.

Председателем Верховного Совета СССР он предложил вместо себя Анатолия Ивановича Лукьянова, которого считал близким соратником. В роли президента Михаил Сергеевич почувствовал себя увереннее.

О решении российского парламента провести референдум сообщили все средства массовой информации. Но всего несколько человек в стране знали, что в тот же день, 7 февраля 1991 года, председатель КГБ СССР генерал армии Владимир Александрович Крючков представил президенту Горбачеву секретную записку: «О политической обстановке в стране».

В принципе, два раза в день председатель КГБ отправлял главе государства особые, сверхсекретные материалы разведки и контрразведки. Спецсообщения доставляли в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже доверенные помощники президента. И почти каждый день председатель комитета появлялся в кабинете Горбачева с папкой. Самые важные материалы докладывал один на один, без свидетелей.

Но записки политического свойства, в которых председатель КГБ предлагал по существу изменить курс страны, были редкостью. В февральской записке Крючков откровенно назвал главного противника действующей власти: это Ельцин «вкуче с определенными силами, круги из теневого бизнеса». Предупредил Горбачева: «Политика умиротворения агрессивного крыла «демократических движений» позволяет псевдодемократам беспрепятственно реализовывать замыслы по захвату власти».

Председатель КГБ предложил усилить государственный контроль над средствами массовой информации. Иначе они попадут в руки антикоммунистов: происходит «завоевание одного пропагандистского органа за другим, а когда это не удастся – создают новые. Только за последний месяц в России, в частности в Москве, начали выходить четыре новых крупных издания и приступили к вещанию две радиостанции».

Крючков призвал Горбачева полностью переменить свою политику, отказаться от главных достижений перестройки – гласности и демократизации. И создать механизм подавления политических оппонентов: «Нельзя исключать возможность образования в соответствующий момент временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР».

Иначе говоря, идеи создания не предусмотренного конституцией Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и силового подавления политических оппонентов созрели задолго до августа 1991 года. Высшие чиновники ощущали, что власть утекает из рук, и были готовы сохранить ее любыми средствами.

Горбачев не откликнулся на записку, понимая, что ее автор хотел бы вернуть государство к ситуации, сложившейся до апреля 1985 года. Но Михаил Сергеевич в феврале 1991 года, видимо, не осознавал – даже представить себе такого не мог! – что недовольные происходящим захотят убрать и его самого.

Тем временем в стране все большее число людей связывали свои надежды именно с Ельциным. Борьба за социальную справедливость часто носила демагогический характер, но в устах Бориса Николаевича все эти лозунги звучали очень убедительно.

Обращение к российским автономиям: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» – тоже было сильным ходом, который сразу привлек на сторону Ельцина многие республики. Потом, когда Советский Союз рухнет, у него начнутся неприятности с автономиями. Но это уже другая тема.

Борис Николаевич и его окружение настойчиво внушали людям, что введение поста президента – единственный путь спасти Россию от всех проблем. Устремления демократов совпали с лозунгами националистов, твердивших, что русских обижают и Россия не должна платить за всех.

На референдуме 17 марта введение президентского поста в России поддержали 70,88 процента избирателей. 24 апреля Верховный Совет республики принял законы «О Президенте РСФСР» и «О выборах Президента РСФСР», в соответствии с которыми глава государства избирался сроком на пять лет. Выборы первого президента Российской Федерации назначили на 12 июня 1991 года.

Кто придумал КГБ РСФСР

В марте 1991 года Верховный Совет СССР обсуждал проект первого в стране закона об органах государственной безопасности. Председатель КГБ Крючков, выступая перед членами Совета Союза, обещал, что новый закон явится важным гарантом конституционных прав граждан.

Он сообщил депутатам: пока что единственный документ, регламентирующий деятельность органов государственной безопасности, – это принятое еще в марте 1959 года секретное положение Совета Министров и ЦК КПСС о КГБ СССР.

«Положение о Комитете государственной безопасности и его органах на местах» оставалось секретным, его читал лишь узкий круг высокопоставленных работников. Там было записано: КГБ и его местные структуры «являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства... Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС... Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС».

Крючков отметил, что, согласно предлагаемому законопроекту, КГБ получит статус союзно-республиканского комитета. Из этого следовало неожиданное открытие, что и в России может появиться свой комитет госбезопасности. Во всех республиках комитеты есть, зачем же Россию обделять?

– Вы помните день и час, когда с вами впервые завели разговор относительно КГБ РСФСР? – спросил я Виктора Валентиновича Иваненко.

– Первыми этот разговор начали народные депутаты Российской Федерации, выходяцы из системы КГБ, мои коллеги, которые по своей инициативе баллотировались на выборах и победили.

Народных депутатов РСФСР выбирали 4 марта 1990 года. 16 мая собрался первый Съезд народных депутатов, больше тысячи человек. Из его состава избрали Верховный Совет как постоянно действующий парламент.

В составе Верховного Совета России образовали Комитет по безопасности. В него вошли пятнадцать депутатов и дюжина экспертов. В комитете работали три действующих работника госбезопасности – молодые офицеры, в небольших чинах, победившие на выборах в нелегкой борьбе.

Борис Терентьевич Большаков родился в 1950 году, окончил Ивановский университет, служил в управлении КГБ по Ивановской области. Он стал заместителем председателя Комитета Верховного Совета России по безопасности. Большаков выйдет в отставку генерал-майором – с должности заместителя начальника управления экономической контрразведки ФСБ.

Игорь Петрович Никулин родился в 1954 году, окончил Горьковский университет, служил начальником Лысковского горотдела управления КГБ по Горьковской области.

Николай Николаевич Кузнецов родился в 1956 году, окончил Ростовское высшее военное училище, служил старшим оперуполномоченным в областном управлении в Оренбурге. Со временем станет заместителем директора Федеральной службы налоговой полиции.

Виктор Иваненко:

– Я в то время по поручению своего начальника Сергея Васильевича Толкунова встречался с правозащитниками, с теми, кто нас критиковал. Начальник Инспекторского управления КГБ СССР генерал Толкунов, учитывая негативное отношение общества к органам государственной безопасности, особенно к их прошлому, считал необходимыми такие встречи. И призывал не лекции читать по старым лекалам, а разговаривать. Толкунов меня наставлял: «Встречайся со студенческой молодежью, с творческой молодежью, с Демократическим сою-

зом». Бывало тяжело. Иногда и оскорбления сыпались. Натерпишься... Но пытаешься спокойно рассказывать о нашей работе, о пользе, которую приносят органы обществу. Что это иммунная система, которая предотвращает чрезвычайные происшествия, теракты, шпионаж. Убеждаешь... А перегибы, которые были в прошлом, мы сами осуждаем. Мы же и занимались реабилитацией жертв политических репрессий.

Генерал Иваненко тоже участвовал в этой работе:

– Сотни дел прошли через мои руки. И во многом они перевернули мое отношение к работе. Я пришел в органы человеком наивным, не сомневающимся в правильности устройства нашего общества. Червь сомнения начал грызть меня позже – особенно, когда познакомился с архивными материалами. Гонка за количественными показателями существовала уже в тридцать седьмом году. Управлению НКВД спущена разрядка: по первой категории пропустить тысячу человек, по второй – пять тысяч. Первая категория – это расстрел, вторая – арест. Потом начальник управления пишет в Москву: учитывая, что мы выполнили задание, разрешите нам увеличить лимит... Дела смотреть страшно – три странички. Донос, протокол допроса, приговор тройки. И маленькая отметочка, что приговор приведен в исполнение. Вот так дела рассматривали... И тяжело было, откровенно говоря, убеждать людей, что это не повторится. Дай Бог, чтобы не повторилось...

В ноябре 1990 года генерал-лейтенант Сергей Васильевич Толкунов ушел на пенсию. Иваненко попросил уже у нового начальника Инспекторского управления КГБ СССР генерал-майора Игоря Алексеевича Межакова разрешения выступить в гостинице «Россия», где собирались представители Демократического союза, первой оппозиционной политической партии (ее лидером считалась Валерия Ильинична Новодворская), радикально настроенные российские депутаты, в том числе Галина Васильевна Старовойтова.

Галина Старовойтова, красивая и темпераментная женщина, серьезный ученый и умелый оратор, депутат двух парламентов – союзного и российского, была очень популярным политиком. И близким к Борису Николаевичу. Она входила в состав Высшего консультативно-координационного совета при Ельцине. Потом станет советником президента России.

Виктор Иваненко:

– Пришел, представился, попросил слова. А там обвинения сыплются в адрес существующей власти, в адрес органов госбезопасности. Я выступил: мы нужны обществу, не надо нас смешивать с грязью. Одни слушали, другие перебивали. Реплики: «Вы запятнали себя репрессиями уже в современный период. Кто академика Сахарова сослал в город Горький?» Сахарова вернули, говорю. Новые времена наступают, и мы будем меняться... Закончилась встреча, и ко мне подошли два депутата – Борис Большаков и Игорь Никулин, тоже реформаторски настроенные. Они в российский парламент избралась инициативно, вопреки воле своего руководства.

Большаков и Никулин предложили познакомить Иваненко с председателем своего парламентского комитета Сергеем Вадимовичем Степашиним и вместе участвовать в реформировании органов государственной безопасности.

– Познакомили меня со Степашиним буквально на следующий день. Хорошо поговорили, понравились друг другу. Вот у Степашина эта мысль и прозвучала: декларация о государственном суверенитете Россией принята, а своих органов госбезопасности у республики нет. Давайте предложим образовать комитет государственной безопасности РСФСР.

Полковник Степашин из Питера

Недоброжелатели и соперники высокомерно именовали Степашина пожарным. Но Сергей Вадимович Степашин, хотя он большую часть жизни носил форму внутренних войск, не пожарный. Он по специальности офицер-политработник, по профессии преподаватель истории КПСС. Этому предмету он учил будущих офицеров внутренних войск. Его кандидатская диссертация посвящена принципам партийного руководства, а не пожарному делу, вполне, кстати, уважаемому занятию.

Что касается его личных качеств, то надо выделить замечательное умение ладить с людьми разных взглядов. Своего рода талант. Невозмутимый, выдержанный, умеренный и аккуратный политик. Очень хладнокровный. Но не безразличный. Способный самостоятельно принимать решения и держать удар. Как выразился один из его коллег, во время боевых действий в Чечне мужество Степашина граничило с безрассудством.

Забегая вперед... Уже в роли руководителя всего ведомства госбезопасности Сергей Степашин – в отличие от других силовых министров – не прятался за чужие спины, а взял на себя ответственность за трагедию в Грозном в ноябре 1994 года. Не побоялся признать, что в плен попали не какие-то наемники, а российские солдаты и офицеры, и сделал все, от него зависящее, для освобождения их из плена. А после трагических событий в Буденновске в 1995 году подал в отставку и четыре месяца вообще сидел без работы.

Сергей Степашин родился в марте 1952 года в Порт-Артуре (они с президентом Путиным ровесники). Отец – военный моряк, мать – врач-психиатр. Вырос в Ленинграде. В 1973 году окончил Высшее политическое училище министерства внутренних дел, в 1981-м – военно-политическую академию имени В. И. Ленина, в 1986-м – Аспирантуру.

В ноябре 1989 года Степашин, будучи заместителем начальника кафедры, выступил на одном из первых митингов на Дворцовой площади в Ленинграде. Вот тогда на него и обратили внимание. Кандидатом в народные депутаты РСФСР по Красносельскому территориальному округу № 112 его выдвинул коллектив родного училища. В начале 1990 года он – полковник МВД! – выиграл выборы в Ленинграде и стал депутатом.

В Верховный Совет прошли и другие военные. Но именно он возглавил важнейший парламентский Комитет по безопасности, вошел в президиум Верховного Совета. Он твердо поддерживал Ельцина, и Борис Николаевич оценил преданного офицера.

Я спросил Степашина:

– Сергей Вадимович, вы помните, когда возникла идея создания российского комитета госбезопасности?

– Весной 1991 года, когда началась подготовка к выборам президента России. Идея созрела в нашем парламентском комитете. Он назывался Комитетом Верховного Совета России по безопасности. После распада Советского Союза его переименуют в Комитет по обороне и безопасности.

– А чем занимался ваш парламентский комитет?

– Вся законодательная база, связанная и с разведкой, и с контрразведкой, создана нашим комитетом. Закон об оперативно-розыскной деятельности – его просто раньше не было. Мало кто помнит, что двадцать пять законов наш комитет разработал. Если сегодня все законы, на девяносто девять процентов, вносит правительство, а Государственная Дума только рассматривает и вносит какие-то поправки, то тогда все законопроекты готовили депутаты. А кому еще было готовить?

Что касается отношений с комитетом госбезопасности, у меня своя история. Когда избирался в народные депутаты, соперников было много. И я в первом круге обошел генерала Куркова, тогдашнего начальника управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Он

даже не вышел во второй тур. Мне повезло с Анатолием Алексеевичем Курковым – был бы на его месте кто-то другой, вряд ли бы мне дали возможность избраться.

Когда начались акции сомнительного свойства, направленные лично против Степашина, генерал Курков собрал свой избирательный штаб, демонстративно пригласил соперника и сказал:

– Давайте так. Степашин – офицер, прошел горячие точки. Не трогайте его. Кто выиграет, тот и выиграет.

Сергей Вадимович Степашин и по сей день помнит этот поступок Куркова:

– Это было потрясающе... Кстати, начальником штаба у него был будущий генерал Виктор Васильевич Черкесов. И многие сегодняшние руководители нашей страны тоже там где-то рядышком ходили. Не стану фамилии называть. А дальше... Такое только в кино бывает – осенью девяносто первого года в ленинградском управлении я Куркова-то и сменил...

Вот у нас в парламентском комитете и созрела такая мысль: во всех республиках есть свой комитет госбезопасности, а в России нет. Теперь будет и свой президент, как же без спецслужб? Я этой идеей поделился с Геннадием Бурбулисом. Он тогда был тайным советником вождя, что называется. Кстати, из него сделали демонически негативную личность, но это несправедливо. Он многое наперед видел.

Появляется генерал Баранников

Свое министерство внутренних дел Россия уже получила.

С российским МВД, между прочим, запутанная история.

Хрущев, будучи хозяином страны, упразднил союзное министерство внутренних дел. Никита Сергеевич решил, что вполне достаточно иметь республиканские министерства. А сменивший его Леонид Ильич Брежнев в 1966 году восстановил союзное министерство. При этом во всех республиках МВД остались, а в РСФСР исчезло.

Министерство внутренних дел РСФСР воссоздали только 6 октября 1989 года, когда стала меняться ситуация в стране. И звучали недоуменные вопросы: почему Россия несправедливо обделена структурами управления?

27 октября 1989 года республиканским министром утвердили генерал-полковника Василия Павловича Трушина. Он вовсе не был кадровым милиционером. В органы попал по партийному набору. Родился в 1934 году. Окончил Московский горный институт, трудился на Московском агрегатном заводе «Наука», где стал секретарем комитета комсомола. И пошел по этой линии. Секретарь Тимирязевского райкома комсомола, первый секретарь МГК ВЛКСМ. Перевели на партийную работу – первый секретарь Перовского райкома партии, заведующий отделом организационно-партийной работы МГК КПСС, секретарь столичного горкома партии.

Молодого партийного работника ждала большая политическая карьера. Но накануне московской Олимпиады 1980 года Трушина назначили начальником главного управления внутренних дел столицы. На новом поприще вырос до первого заместителя союзного министра.

Назначение российским министром оказалось неудачным. После первых демократических выборов российских депутатов и избрания нового состава Верховного Совета РСФСР в июне 1990 года прежнее правительство ушло в отставку. Ельцин стал формировать новое. С Трушиным расстались. Он был чужой.

В феврале 2005 года мы встретились с Василием Петровичем на похоронах бывшего хозяина Москвы Николая Григорьевича Егорычева, который когда-то приметил и выдвинул Трушина. На поминках сидели рядом. Я говорил Трушину, что человеку с такой богатой биографией пора писать воспоминания. Он ответил, что еще не пришло время... Я знал, что он был уже тяжело болен. Меньше чем через год его не стало.

Трушина сменил человек, который в событиях девяносто первого года сыграет немалую роль – Виктор Павлович Баранников.

Баранников родился в Приморском крае в 1940 году. Отец погиб, воспитывала его мать. Семья переехала в Елабугу, где после школы Виктор Павлович работал токарем на Елабужском механическом заводе. В 1961 году его взяли в органы внутренних дел и послали в Елабужскую специальную среднюю школу милиции. В 1969-м он окончил еще и свердловский филиал Московской высшей школы МВД.

В главном управлении МВД СССР по борьбе с хищениями социалистической собственности Баранников заведовал седьмым (валютным) отделом. В 1988 году его назначили первым заместителем министра внутренних дел Азербайджана. Самые сложные годы, когда из-за проблемы Нагорного Карабаха лилась кровь. В Азербайджане Баранников показал себя мужественным человеком, способным выйти к разъяренной толпе и ее успокоить...

В 1990 году его вернули в Москву – первым заместителем министра внутренних дел РСФСР. А тут председателем Верховного Совета России избрали Ельцина. В первом ельцинском правительстве, которое возглавлял Иван Степанович Силаев, в сентябре 1990 года Виктор Баранников получил министерский портфель.

Иван Силаев рассказывал мне, как он подбирал членов правительства:

– Мы пригласили ученых из трех крупнейших академических институтов. Они придирчиво изучали личные качества каждого кандидата в министры, потом представляли мне свои выводы. У Баранникова были конкуренты, но, тем не менее, «команда эрудитов» его кандидатуру одобрила, и Ельцин назначение поддержал.

– И сомнений в тот момент Баранников у вас не вызывал?

– Нет. А в дальнейшем его, знаете ли, подвела эмоциональность. Баранников для его должности был человеком все-таки очень эмоциональным.

Опыт с МВД РСФСР вдохновил российское руководство. Если республика теперь располагает собственными органами внутренних дел, почему бы не обзавестись и КГБ РСФСР?

Союзный комитет воспринимался российским руководством, скорее, как враждебная сила. А хотелось иметь чекистов на своей стороне. Ельцин и его окружение не сомневались, что агентурно-осведомительный аппарат следит за каждым шагом Бориса Николаевича. Подозревали чекистов и в худшем.

В апреле 1990 года Ельцин, только что избранный народным депутатом СССР, с двумя помощниками вылетел в Испанию. Из города Кордова в Барселону их отправили на шестиместном винтовом самолете. Полет оказался неудачным. Вышла из строя бортовая энергосистема. Летчики совершили аварийную посадку на небольшом аэродроме в горах.

Ельцин получил серьезную травму позвоночника. Ему грозил полный паралич. Требовалась срочная и тяжелая операция. Когда его доставили в Москву, ленинградская молодежная газета «Смена» написала, что в аварии испанского самолета виноват КГБ: его сотрудники в Испании испортили бортовую энергосистему. КГБ заявил, что не имеет отношения к инциденту с самолетом и считает публикацию в ленинградской «Смене» клеветой. Но тема возможного покушения на Ельцина обсуждалась годами. Несмотря на все официальные заявления, многие были уверены, что Горбачев приказал КГБ избавить его от опасного соперника.

Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, с удивлением говорил об этом в интервью «Эхо Москвы»:

– Вот всемогущий генсек и президент хочет сломать человека. Как вы думаете, он может это сделать или нет? Если бы он действительно хотел... Некоторые газетчики, журналисты прямо или косвенно намекали, что Ельцина КГБ хотел уничтожить. Как вы думаете, КГБ, если бы действительно получил такой приказ от ЦК КПСС, неужто не смог бы уничтожить обыкновенного заместителя министра строительства?..

2 февраля 1991 года начальник отдела безопасности председателя Верховного Совета РСФСР, тогда еще мало известный Александр Васильевич Коржаков, которого уволили из КГБ за тесные отношения с Ельциным, дал интервью информационному агентству «Postfactum».

– Оказывает ли вам помощь КГБ СССР?

– Нет. Работаем пока вслепую. Надеемся на российские структуры сил безопасности, которые будут у нас созданы. Со стороны КГБ СССР идет постоянная слежка за работой российского парламента. Во время недавней проверки обнаружили в Доме Советов даже комнату, через которую это делалось. По этому поводу составлен акт. Сделать полное обследование здания мы не можем из-за отсутствия у нас технических возможностей. Мы готовы были закупить за границей или получить в дар поисковую технику, но все упирается в таможенные барьеры.

– Какие меры были предприняты вашей службой безопасности, чтобы предотвратить повторение автомобильной аварии, в которую не так давно попал глава российского парламента Борис Ельцин?

– После аварии парламент поручил заместителю председателя Верховного Совета РСФСР Руслану Хасбулатову курировать наш отдел. Через него мы направили в управление охраны КГБ СССР письмо с просьбой передать нам два бронированных автомобиля марки «Мерседес» (один из них резервный) для Ельцина. По нашим данным, в управлении охраны КГБ СССР имеются тринадцать бронированных «Мерседесов», закупленных еще во времена

Брежнева и Андропова. Один отдал первому секретарю ЦК Компартии Армении, другой – первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана, остальные простаивают. Из КГБ СССР получен ответ Крючкова с отказом на том основании, что «в последнее время участились визиты глав государств, которым предоставляются данные «Мерседесы». Хотя с момента аварии страну посетил только президент Республики Корея Ро Дэ У, которого возили на автомобиле марки «ЗиЛ».

– Как технически оснащены сотрудники отдела безопасности?

– Технически мы оснащены очень слабо. Все упирается в руководство КГБ СССР. Более двух месяцев не можем получить несколько раций, которые нам безвозмездно передала одна из австрийских фирм. Они задержаны работниками таможенного контроля. Когда мы добились у министерства связи СССР разрешения на пользование определенным диапазоном частот и пришли за рациями на таможеню, оказалось, что за день до нашего прихода их арестовал следователь по особо важным делам прокуратуры СССР. Так во всем и везде нам чинят препятствия. Кремль – территория России, однако, чтобы сопровождающему лицу проехать с Борисом Николаевичем в Кремль, нужно каждый раз подписывать заявку у нескольких генералов. Первое лицо России должен спрашивать разрешение у генералов!..

– Сколько сотрудников в вашем отделе?

– Я не буду называть точные цифры. Для сравнения: если Горбачева охраняют несколько тысяч человек, то Ельцина, прямо скажем, – несколько десятков...

Все упиралось в позицию председателя комитета госбезопасности Крючкова.

Гений канцелярии

Почему председателем КГБ Горбачев сделал именно Крючкова? Предлагали, скажем, кандидатуру генерала Филиппа Денисовича Бобкова, бывшего начальника 5-го управления. Можно предположить, что Михаил Сергеевич выбрал человека из разведки, полагая, что тот меньше руководителей внутренних подразделений КГБ станет противодействовать перестройке.

После смерти Юрия Владимировича Андропова его многолетний помощник Крючков почувствовал себя крайне неуверенно. Он лишился опоры и стал искать, на кого опереться. Еще при жизни Константина Устиновича Черненко он поверил в звезду Горбачева, но не знал, как подойти к нему. Попытался сделать это через секретаря ЦК КПСС Яковлева.

Александр Николаевич вспоминал: «Крючков напористо полез ко мне в друзья, буквально подлизывался ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора». Во всех разговорах давал понять, что он – именно тот человек, который нужен Горбачеву. «Он всячески ругал председателя КГБ Виктора Чебрикова за консерватизм, – писал Яковлев, – а Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душителем инакомыслящих».

Крючков упросил Яковлева познакомить его с Валерием Ивановичем Болдиным, главным помощником Горбачева, «объяснял просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова».

Крючков добился своего. Яковлев вспоминал, что перед уходом на пенсию Виктор Михайлович Чебриков, как всегда, очень спокойно сказал ему:

– Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни – это плохой человек, ты это увидишь.

Уже после провала путча на выходе из Кремлевского Дворца съездов прежний председатель КГБ Чебриков догнал Яковлева, похлопал по плечу и сказал:

– Помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

Горбачева, наверное, подкупило такое качество Крючкова, как его безраздельная преданность хозяину и несамостоятельность в политике. Михаил Сергеевич знал, каким верным помощником Владимир Александрович был для Андропова, и хотел обрести такого же толкового и исполнительного подручного.

Преемник Крючкова на посту начальника разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин писал:

«Видимо, Крючков показался Михаилу Сергеевичу более гибким, динамичным и податливым человеком... Думается, генеральный секретарь сильно заблуждался и не заметил за мягкой манерой, внешней гибкостью и послушностью Крючкова железной воли и упрямства, способности долго, окольными путями, но все же непременно добиваться поставленной цели».

Владимир Александрович Крючков родился в Царицыне (ныне Волгоград) 29 февраля 1924 года, поэтому с днем рождения (не в високосный год) его поздравляли то 28 февраля, то 1 марта, кому как нравится.

На фронт будущий глава госбезопасности не попал, был нужнее в тылу – на комсомольской работе. Из комсомола – в районную прокуратуру. В 1951 году по направлению Сталинградского обкома партии Крючков отправился в Москву учиться в Высшей дипломатической школе. Высокая честь и возможность начать новую жизнь, поехать за границу.

Из всего потока один Крючков рискнул взяться за изучение непростого венгерского языка. Повсюду носил с собой карточки со словами, которые следовало запомнить. Выучить венгерский язык – значит проявить характер, усидчивость и упорство. Всего этого Крючкову было не занимать. В конце лета 1955 года молодой дипломат отправился в советское посольство в Будапеште третьим секретарем. Послом служил молодой партийный работник Юрий

Владимирович Андропов – счастливый случай для Крючкова. Дальше они шли по жизни вместе до самой смерти Андропова.

Крючков проработал с Андроповым больше четверти века, и Юрий Владимирович в нем не разочаровался. Андропов, став председателем КГБ, сделал Крючкова начальником секретариата. Его кабинет находился прямо напротив председательского, приемная у них была общая. Крючков всегда под рукой, готовый дать справку, напомнить, выполнить любое указание, проследить за движением бумаг, старательный, надежный, услужливый и безотказный исполнитель. Крючков боготворил начальника, знал наизусть его стихи.

Летом 1971 года Андропов перевел Крючкова в разведку первым заместителем начальника первого главного управления. Крючков привык к роли помощника, а тут предстояло самому принимать решения. Владимир Александрович нашел выход. Его сотрудники быстро заметили, что он по каждой мелочи советовался с Андроповым. Крючков по характеру, образу мышления и поведения так и остался помощником. В последних числах декабря 1974 года Брежнев согласился с предложением Андропова назначить Крючкова начальником первого главного управления и одновременно заместителем председателя КГБ.

Горбачев верил Крючкову и его информации. Валерий Болдин рассказывал, что с особо важными документами к Горбачеву председатель приезжал сам. Записи разговоров, в том числе телефонных, назывались «материалами технического контроля». После провала ГКЧП новый руководитель президентского аппарата Григорий Иванович Ревенко расскажет помощникам Горбачева, что КГБ прослушивал всех, начиная с самого Михаила Сергеевича, что весь Кремль утыкан «жучками» и потребуется месяц, чтобы их все извлечь.

Окружающих Крючков поражал заботой о собственном здоровье. Каждое утро вставал без четверти шесть, как бы поздно ни лег накануне, час делал зарядку на улице в любую погоду. Жил он на даче в поселке первого главного управления КГБ. Строили загородные домики для приема иностранных гостей, но использовали как дачи руководства разведки. Отпуск брал зимой, поскольку обожал бегать на лыжах. Ходил в парилку, правда, не в русскую баню, а в сауну. Плавал в бассейне. Мало пил, предпочитал виски и пиво...

В августе 1991 года при обыске в квартире Крючкова следственная группа искала его записную книжку. Жена объяснила, что он обходился без книжки. Он помнил все имена, фамилии, телефонные номера. Ему и компьютер не был нужен.

На посту председателя Крючков оказался в трудном положении. Его недовольное лицо постепенно становилось символом, как тогда говорили, антиперестроечных сил. Логика развития событий не только противоречила его личным политическим взглядам, но и прямо вела к разрушению империи КГБ. Крючков старался приспособиться к новым временам.

Глава союзного правительства Николай Иванович Рыжков настоял на том, чтобы борьбой с организованной преступностью и коррупцией, помимо министерства внутренних дел, занялся еще и КГБ. Чекисты в сопровождении тележурналистов ходили по магазинам, проверяли, что хранится под прилавками.

На четвертом Съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 года Крючков с гордостью поведал, что объединенными усилиями «удалось вскрыть многочисленные факты крупных хищений и злоупотреблений, бесхозяйственности и халатности при хранении, транспортировке и реализации населению товаров народного потребления». Он сообщил депутатам, что в отделе рабочего снабжения Байкальского целлюлозно-бумажного комбината найдены пятьсот тонн мяса. В Туле на одной из баз обнаружены триста тысяч пачек чая, а в Саратове – пятьдесят тысяч банок с лососевой икрой.

Через год с небольшим, после начала гайдаровских реформ, продавцы перестали прятывать товары. Напротив, делали все, чтобы у них покупали, и как можно больше. Никакой КГБ не понадобился. Этого Крючков не понимал. Или не хотел понять.

Владимир Александрович, ни дня не служивший в вооруженных силах, получил звание генерала армии. В октябре 1989 года стал членом политбюро. Но пробыл им недолго, потому что изменился принцип формирования политбюро, а сам орган потерял свою важность. Горбачев ввел Крючкова в новый властный ареопаг – сделал членом Президентского совета (март 1990 года), потом Совета безопасности СССР (март 1991 года).

«Горбачев, – писал известный экономист Гавриил Харитонович Попов, которого избрали народным депутатом СССР, а затем первым мэром Москвы, – имел о силовых структурах приблизительное представление, а кроме того, не вникал в то, как формируются доклады их руководителей, в чем можно, а в чем нельзя полагаться на эти доклады. Когда в докладе написано: «резидент сообщает», то ведь, чтобы оценить доклад, надо себе представлять и этого резидента, и то, что и где он мог узнать».

Глава комитета госбезопасности был ближе других к Горбачеву. Они разговаривали каждый день, даже если президент уезжал отдыхать. Когда человек так сильно приближается к первому лицу в государстве, снабжает его секретной информацией, предлагает варианты решений, у него создается обманчивое ощущение, будто он и сам мог бы справиться со всеми этими делами. Тем более, раз первое лицо – слабак.

А в руках Владимира Александровича находился вполне исправный и мощный механизм. Численность КГБ составляла почти полмиллиона человек, из них 220 тысяч пограничников, 60 тысяч – войска правительственной связи. Генеральный штаб вооруженных сил страны 3 января 1990 года шифртелеграммой передал из состава воздушно-десантных войск и главного командования сухопутных войск в подчинение КГБ 103-ю воздушно-десантную дивизию, 75-ю мотострелковую дивизию, 48-ю мотострелковую дивизию специального назначения, 27-й отдельный батальон специального назначения.

Иначе говоря, впервые в советской истории в руках руководителя органов госбезопасности оказалась серьезная военная сила. Предшественники Горбачева вели себя осторожнее.

Крючкова считали бледной тенью своего начальника и покровителя Юрия Андропова. Руководитель канцелярии Крючков в особой атмосфере тайной полиции чувствовал себя как рыба в воде. Умение выполнять приказы сделало Владимира Александровича необходимым сначала Андропову, затем его преемникам. В Крючкове видели незаметного и неамбициозного исполнителя, готового выполнить любой приказ.

Сидя на своих досье, как Скупой рыцарь на мешках с золотом, Крючков начал мнить себя самостоятельным политиком, одним из вождей. Наступил момент, когда Владимиру Александровичу надоела роль безмолвного исполнителя. Феноменальная память и фантастическая осведомленность о том, что происходит в стране, подогревали тщательно скрываемое честолюбие.

Горбачев пребывал в блаженной уверенности, что вознесенный на высокий пост председатель КГБ будет вечно хранить ему верность. А Крючков считал, что его заставили слишком долго ждать, и он достоин большей роли.

С ним произошло то, что случается со слугой, который днем разносит туфли для господина, а ночью тайно их примеряет. Изо дня в день он докладывал Горбачеву секреты своих досье и постепенно исполнялся презрением к хозяину: тот все заглывал, но ничего не предпринимал. Значит, Горбачев слаб. Почему бы в таком случае не заменить его?

Как возник праздник 12 июня

Во главе союзного правительства вместо свалившегося с инфарктом Рыжкова президент в середине января 1991 года поставил бывшего министра финансов Валентина Сергеевича Павлова.

Тот начал с денежной реформы. По его настоянию Горбачев подписал указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан».

Павлов утверждал, что крупные купюры – на руках у спекулянтов и преступников. В интервью газете «Труд» обвинил западные банки в заговоре – они хотели свергнуть Горбачева, поэтому овладели крупными купюрами... Никто не принял его слова всерьез. А «павловская реформа» обернулась для людей новым унижением: они, бросив работу, стояли в длинных очередях, чтобы успеть за три дня избавиться от старых купюр. Невозможно было и получить свои деньги, доверенные государству. Со сберкнижки выдавали не более пятисот рублей, да еще делали пометку в паспорте!

Реакция в обществе – резко негативная. Горбачев терял поддержку. Все говорили, что он боится решать сложные проблемы, откладывая их на потом, надеясь, что все рассосется само собой. Серьезные экономисты утверждали, что попытки модернизировать социалистическую систему не удаются, становится только хуже. Надо создавать принципиально новую социально-экономическую модель.

Вообще говоря, на шестом году пребывания у власти каждый лидер должен быть готов к тому, что прежние комплименты сменятся жесткой критикой. Но на шестом году перестройки к радикальным переменам в экономике, в хозяйственной жизни еще и не подступали. На пороге 1991 года страна была почти так же далека от того, чтобы отдать землю крестьянам, а фабрики и заводы – работающим, как и в 1985-м.

Даже начисто опустевшие прилавки не убеждали аппарат в необходимости немедленных экономических реформ. Партийные секретари, военные в чинах, генералы от военно-промышленного комплекса, директора совхозов и колхозов отстаивали колхозно-совхозную систему и государственно-плановую экономику.

Немало политиков в нашей стране предлагали идти китайским путем – постепенные экономические реформы без политических перемен. У профессиональных китаистов эта идея вызывает улыбку. В России, как минимум, слишком мало китайцев, чтобы следовать китайским путем, а никто другой не согласится работать в таких каторжных условиях.

У современного Китая много поклонников. Поклонникам китайского пути нравится то, что в КНР сохраняется партийная и государственная бюрократия, ограничена свобода слова. При этом они не хотят видеть того, что китайская бюрократия не мешает частной инициативе и предпринимательству, не угнетает бизнесменов и торговцев, не душит их и не унижает. Можно ли представить себе отечественную бюрократию, которая бы дала простор частной инициативе, привлечению иностранного капитала и не смела бы вмешиваться в дела частного производителя?..

Профессор Евгений Петрович Бажанов, виднейший специалист по Китаю, отмечает, что именно ортодоксальные коммунисты, националисты-антизападники восхищаются успехами Китая и утверждают, что СССР должен был пойти китайским путем: сохранить социалистический строй и развивать экономику. Но в 1978 году китайское общество находилось в состоянии хаоса. Культурная революция, затеянная Мао Цзэдуном, закончилась полным разочарованием в марксизме. Партийно-государственный аппарат пострадал очень сильно. Не мог и не хотел сопротивляться реформам. А советский аппарат все держал в руках и противился переменам. Руководивший Китаем Дэн Сяопин, обладая огромным авторитетом, мог позволить

себе решительные реформы. Горбачев, молодой политик из провинции, вынужден был маневрировать, действовать постепенно, шаг за шагом, оглядываясь на старую гвардию...

Демократы хотели, чтобы генеральный секретарь Горбачев ушел, потому что он слишком медленно осуществляет политические реформы. Аппаратчики требовали ухода президента, потому что он допустил демократию и гласность.

Собственная партия встала к Горбачеву в оппозицию. Он долго возражал против создания отдельной компартии РСФСР, понимая, что, во-первых, ее появление угрожает единству КПСС, а во-вторых, тон в новой партии будут задавать реакционеры, которых сдерживает пока только страх перед полномочиями генерального секретаря. Своя партия была нужна им для борьбы с Горбачевым и Ельциным.

Помощник президента Анатолий Черняев записал в дневнике слова Горбачева: «Вновь и вновь повторяет: если Россия поднимется, вот тогда начнется. Что начнется? Железно он стоит против образования компартии РСФСР, против придания РСФСР полного статуса союзной республики. На политбюро так и сказал: тогда конец империи».

Даже маршал Сергей Федорович Ахромеев, бывший начальник генерального штаба и советник президента, говорил:

– Если будет Российская коммунистическая партия с теми же функциями, которые у нас имеет каждая республика, то резко увеличивается опасность того, что наша партия станет федеративной, а государство станет конфедерацией. И об этой опасности надо четко всему народу сказать.

Но компартия России появилась. Иван Кузьмич Полозков, недавний хозяин Краснодарского края, стал первым секретарем республиканской компартии и членом союзного политбюро. Он обещал, что под его руководством КП РСФСР «будет партией социалистического выбора на марксистско-ленинской основе». Его избрание само по себе стало ударом по КПСС. Начисто лишенный личного обаяния, он производил тяжелое впечатление на интеллигенцию.

Даже выдержанный член политбюро Вадим Александрович Медведев не смог скрыть своего огорчения:

– Худшее трудно было себе представить.

Многие члены КПСС и даже целые партийные организации заявили, что не хотят состоять в положковской партии и не станут перечислять взносы на счет ЦК КП РСФСР. Можно даже сказать, что появление Полозкова во главе компартии России привело к массовому бегству из партии. Когда люди увидели на экранах телевизоров Ивана Кузьмича под ручку с соратниками, появилось ощущение, что состоять с ним в одной партии невозможно.

Впрочем, Полозков недолго продержался в первых секретарях. Весной 1991 года он завел разговор с премьер-министром Павловым: нельзя ли подыскать ему место в аппарате кабинета министров как опытному специалисту в области сельскохозяйственного производства и заготовок?

«Я был приглашен на один из последних в истории КПСС пленумов ЦК, – вспоминал писатель-фронтвик Даниил Александрович Гранин. – Сидел я на балконе рядом с группой генералов. Выступали яростно, обвиняли Горбачева в том, что он дал слишком большую волю печати, радио, в том, что интеллигенция распоясалась. Нападки ожесточались, и в какой-то момент Горбачев не выдержал, сказал, что он готов уйти со своего поста. И вот тут генералы стали кричать: «И уходи! Убирайся!» Я видел рядом их багровые от злости физиономии, стало ясно, что они способны на любые силовые действия».

Горбачев сознавал, что теряет поддержку общества, а симпатии на стороне Ельцина. Это ставило Михаила Сергеевича в тупик. Его помощник Георгий Шахназаров вспоминал, как на заседании политбюро Горбачев вдруг задумался, пожал плечами и, явно недоумевающая, обращаясь к себе и присутствовавшим, произнес:

– Странные вещи в народе происходят. Что творит Ельцин – уму непостижимо! За границей, да и дома, не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!».

12 июня 1990 года первый Съезд народных депутатов РСФСР поименным голосованием принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. «За» высказались 907 депутатов, «против» – всего 13, воздержались – 9. Принятие декларации депутаты сочли настолько важным событием, что 12 июня объявили праздничным днем.

Ныне кажется, будто в тот день решили, что Россия станет самостоятельным государством. Но в декларации – ни слова о выходе из состава СССР! Депутаты всего лишь провозгласили верховенство российских законов над общесоюзными в том случае, если они входят в противоречие. Это был шаг в противостоянии Горбачева и Ельцина, о котором молодое поколение имеет весьма смутное представление.

Началось с того, что Горбачев решил на опасный шаг – поднять статус автономий внутри РСФСР до статуса союзных республик. В надежде сделать их союзниками в борьбе против Ельцина. Верховный Совет СССР 26 апреля 1990 года принял соответствующий закон.

На территории России – два десятка автономий. Если бы они получили равные права с самой РСФСР, российская власть лишилась бы возможности влиять на их жизнь. Именно поэтому, стараясь привлечь автономии на свою сторону, Ельцин сказал в Уфе, что Башкирия может взять столько власти, сколько она «проглотит», а в Казани, что Татария получит столько власти, сколько сможет «переварить».

Декларация 12 июня воспринималась как защитная мера, спасающая Россию от распада. За декларацию голосовали и коммунисты, и демократы, и сторонники Ельцина, и его яростные противники.

Хватались за соломинку – положение в стране становилось все более отчаянным. В российских областях прилавки опустели, исчезли сигареты и папиросы, пропала водка. Жизнь становилась все трудней. Уставшая, голодная, изверившаяся толпа очень опасна. Казалось, что если нельзя спастись всем вместе, то надо, по крайней мере, спасти себя.

Декларацию о суверенитете 12 июня поддержал и главный противник Ельцина Иван Полозков. Валентин Александрович Купцов, один из будущих руководителей российской компартии и яростный оппонент Ельцина, говорил:

– Моя личная оценка: принятие Декларации о суверенитете – главный итог работы первого съезда народных депутатов Российской Федерации. Важно, что этот принципиальный документ поддержан практически всем народом России.

Летом 1990 года продукты и товары в Москве стали продавать при предъявлении паспорта со столичной пропиской, чтобы ничего не доставалось приезжим. Москвичи были довольны, хотя еды от этого не прибавилось.

Перипетии противостояния Горбачева и Ельцина давно ушли в прошлое. Красный день в календаре остался. Каждый год сограждане недоумевают: что, собственно, празднуем 12 июня? Придумали нечто витиеватое: День России.

Люди вокруг Ельцина со все большим раздражением смотрели на Горбачева. Слишком осторожен. Ни на что не может решиться. Только говорит, но ничего не делает. На его фоне Ельцин казался настоящим лидером, которому просто не дают развернуться.

Выборы народных депутатов России, избрание Ельцина главой республики наполнили многие души эйфорией. Даже лучшие умы не осознали масштабов постигшей народ катастрофы, глубины ямы, из которой предстоит выкарабкаться.

Первое ельцинское правительство возглавил Иван Си-лаев, до этого союзный министр авиационной промышленности. Иван Степанович рассказывал мне, как сразу после заседания Верховного Совета он оказался в своем новом кабинете в Белом доме:

– Много я перевидал кабинетов, но такой огромный видел в первый раз. Там такой потолок, что два этажа можно было сделать. Сидишь за столом и чувствуешь себя как в пустыне. Но с этим быстро свыкаешься... На этом посту сразу ощущаешь масштабы страны. Уходишь домой в девять-десять вечера, а на востоке уже начинается трудовой день.

Ему предстояло найти людей, с которыми он сможет работать, которые понравятся президенту и против которых не станут возражать депутаты. Правительство Силаева было первым, сформированным не по номенклатурному принципу.

– Ни одного человека из старого правительства мы не взяли, – рассказывал Силаев. – Решили по знакомству никого не брать – только профессионалов. В правительстве царил дух вольности.

Экономисты во главе с Григорием Алексеевичем Явлинским, которого утвердили вице-премьером, сидели на правительственных дачах в Сосенках и работали над экономической стратегией. В январе 1991 года российский парламент принял закон «О собственности в РСФСР», впервые узаконив частную собственность. Российская власть сразу же вошла в конфликт с союзной.

Никакого желания объясниться, поладить, отыскать компромисс не было. Напротив, взаимная нелюбовь культивировалась. Союзное правительство не обращало внимания на декларации и заявления российской власти. А Ельцин действовал все более самостоятельно, делая вид, что союзного правительства не существует, а он возглавляет самостоятельное государство. Верховный Совет РСФСР заявил, что без его ратификации никакие указы президента СССР на территории России не действительны.

Иногда по политическим соображениям они вроде бы пытались поладить, и наступала видимость согласия и сотрудничества. Но они по-прежнему ненавидели и презирали друг друга.

Михаил Сергеевич плохо представлял себе расстановку сил в обществе. КГБ, видимо, снабжал его утешительными новостями о раздразе в лагере Ельцина. Горбачев довольно говорил своему помощнику Черняеву:

– Песенка Бориса Николаевича спета – у него ничего не получается, от него уже ждут дел. Он мечется. Но даже люди из его ближайшего окружения «вытирают об него ноги», кроют его матом, а в парламенте заявили, что не станут при нем стадом баранов...

Михаил Сергеевич не чувствовал, какая опасность для него исходит от Ельцина. Или пытался себя утешить?

Борис Николаевич потребовал предоставить ему время для выступления по телевидению. Он вспоминал:

«Начались игры с Кравченко, тогдашним телена начальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи... Естественно, я начал накаляться... Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь!»

19 февраля Ельцин дал интервью в прямом эфире. Сорок минут он говорил о том, что президент Горбачев обманывает страну. Не выполнил ничего из того, что обещал. Развалил государство и довел народ до обнищания.

Ельцин веско произнес:

– Я предупреждал в 1987 году, что у Горбачева есть в характере стремление к абсолютизации личной власти. Он все это уже сделал и подвел страну к диктатуре, красиво называя это «президентским правлением». Стало совершенно очевидным, что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку, передачу власти коллективному органу – Совету Федерации республик...

На следующий день Горбачев собрал свое окружение. Настроение после вчерашнего выступления Ельцина было мрачное.

Михаил Сергеевич говорил:

– Происходит нечто подобное тому, что случилось в 1987 году. Ельцин энергично взялся за дело, начал менять кадры. Я его поддержал. Но, разделившись с первой «гарнитурой», он пошел по второму кругу, потом по третьему. У него нет вкуса к нормальной работе. Видимо, ему для тонуса нужно постоянно с кем-то драться. Не случайно понравился Егору Лигачеву своей крутостью, и тот рекомендовал его в Москву. В нем гремучая смесь, способен только на разрушение...

Еще резче Ельцин выступил в Доме кино, где призвал «объявить войну руководству страны. Президент СССР лгал постоянно и завел страну в болото». Борис Николаевич призвал создать сильную демократическую партию.

Черняев записал в дневник: «Ельцин сказал: «Оставим Горбачеву во-от столечко (показывает пальцами щепотку), хотя он хочет вот столько (показывает руками, широко их разведя). Его место – как у британской королевы».

Кадровый пасьянс

Предложение образовать российский комитет госбезопасности представлялось экзотическим. Но интересным. Геннадию Эдуардовичу Бурбулису идея понравилась, он напутствовал Степашина:

– Иди к Ельцину.

Сергей Степашин:

– Я и пошел. Ему тоже эта идея приглянулась, хотя к КГБ относился он тогда сложновато, потому что он знал, что они по нему работали.

Виктор Иваненко:

– Со Степашиным мы сходили к генералу Волкогонову, он был советником у Ельцина. Сходили и к Шахраю, который правовые вопросы решал.

Недавний заместитель начальника главного политического управления Советской армии и военно-морского флота генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов был избран российским депутатом и решительно поддержал Ельцина. Разносторонне одаренный человек, он защитил докторские диссертации по истории и философии.

Сергей Михайлович Шахрай, молодой юрист из Московского университета, тоже избранный российским депутатом, превратился в главного советника Ельцина по правовым вопросам. Борис Николаевич нуждался в Шахрае. В его отсутствие чувствовал себя неуверенно. Со временем Шахрай станет вице-премьером. И утратит высокую должность, преждевременно решив, что звезда Ельцина закатилась...

Виктор Иваненко:

– Познакомили меня с Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом. Он очень долго беседовал со мной. Очень цепко, внимательно. У него такой пронизывающий взгляд. Меня оценивал, расспрашивал, откуда я, кто я и так далее. И так стала постепенно рождаться идея российского КГБ как инструмента защиты государственного суверенитета молодой российской демократии. Мы с депутатами-чекистами, с Большаковым и Никулиным, с участием Степашина сели писать протокол об образовании российского КГБ, который должны были подписать с союзной стороны руководство КГБ СССР, а с российской стороны – президент России и другие должностные лица. Текст протокола оттачивали месяца три.

– Должны ли вы были об этом доложить своему начальству на Лубянке? Или общались с российскими депутатами по своей инициативе?

– Я написал докладную записку руководству комитета госбезопасности, что есть смысл поддержать такое предложение, учитывая, что нам надо встраиваться в демократические процессы, а не противостоять им. Через своего начальника, генерала Межакова, передал записку первому заместителю председателя Гению Евгеньевичу Агееву, бывшему секретарю парткома КГБ.

– И какой была реакция?

– Записку мою восприняли на удивление благосклонно. Я получил одобрение: продолжай эти контакты, продолжай! От КГБ СССР подключились правовое управление и помощник председателя комитета по правовым вопросам Сергей Васильевич Дьяков. Началась совместная работа. Готовили протокол и приложения к нему о разделении полномочий между КГБ Союза и будущим российским КГБ. Мучились над каждым словом. Искали формулировки, которые всех устроят.

Сергей Степашин:

– Первое. Мы сели разрабатывать концепцию будущего комитета госбезопасности России. Второе – задумались над кандидатурой на роль руководителя республиканского комитета.

Организовали мне встречу с Крючковым. В том самом кабинете, где я потом полтора года проработал...

– Войдя в здание на Лубянке в первый раз, вы испытали какие-то особые чувства? Страх, благоговение?

– Сегодня бы, наверное, испытал. А тогда время было другое. Мы были убеждены, что строим новое демократическое государство. Мы никого не боимся, мы смелые... Надо было жить в то время, чтобы понять, о чем я сейчас говорю. Это словами не объяснишь. Со мной прекрасно побеседовали, угостили чаем. Сели за длинный стол, он так и остался, по-моему, в этом кабинете. Сидели вдвоем, потом подошел его помощник. Хорошая, теплая встреча. Он умел к себе расположить, Владимир Александрович, покойник. Мягко, интеллигентно побеседовали. В первой беседе четкого ответа я не получил: ни да, ни нет. А потом Крючков дал зеленый свет, и начался подбор кандидатов.

Нужного человека искали долго.

В списке кандидатов на пост первого председателя КГБ России фигурировал и весьма заметный в ту пору Олег Данилович Калугин, потомственный чекист и некогда самый молодой генерал в КГБ. Его привечал Юрий Владимирович Андропов и сделал начальником управления «К» (внешняя контрразведка). Потом Калугин впал в немилость и был сослан первым замом в ленинградское областное управление.

Он считал себя жертвой интриг Крюčkова, и в перестройку откровенно рассказал о своей работе в комитете. Краснодарцы избрали Калугина народным депутатом СССР. Но недавние коллеги на Лубянке восприняли его обвинения как измену чекистской корпорации.

Сергей Степашин потом объяснял:

– Что касается кандидатуры Олега Калугина, то она обсуждалась на первом этапе. От нее отказались, чтобы не создавать серьезную конфронтацию между КГБ СССР и КГБ РСФСР.

Со временем генерал Калугин уедет в Соединенные Штаты. А в Москве его обвинят в предательстве. В 2002 году суд заочно приговорит его к пятнадцати годам тюремного заключения...

Более серьезно на пост председателя КГБ РСФСР рассматривались кандидатуры действующих офицеров.

Сергей Степашин:

– Ельцин назвал Валерия Воротникова, тогдашнего начальника управления «З» КГБ Союза, которое занималось защитой конституционного строя. Он с ним работал в Свердловске. Хорошо его знал... Воротников – значит, Воротников. Тем более, для Ельцина тогдашнего, да и для нас, защита конституционного строя с учетом, какая каша заварилась еще в девяностом году, важнейшая функция комитета госбезопасности России.

Генерал Валерий Павлович Воротников пришел в областное управление КГБ с должности второго секретаря Свердловского обкома комсомола. Много позже, уже будучи депутатом Государственной Думы, он рассказывал мне:

– Ельцин, когда руководил областью, часто у нас бывал. Я ему докладывал об обстановке. К нашей информации он относился внимательно, принимал меры. Система такая. Я подписываю шифровку, и, если речь идет о важной информации, ее – даже без подписи председателя КГБ – отправляют высшим руководителям страны. То есть хозяин области отдает себе отчет в том, что произойдет после того, как такая информация уйдет в Москву. Ему сразу позвонят из ЦК или из Совета министров и спросят с него за то, что случилось.

Когда происходило чрезвычайное происшествие, начинались проблемы. Например, прорвало трубы, снабжающие теплом рабочий поселок. Это произошло ночью. Утром уже стали восстанавливать. Я все выяснил и собрался доложить первому секретарю. А меня слезно просят не говорить Ельцину:

– Мы уже все сделали, авария ликвидирована. Зачем Бориса Николаевича беспокоить?

Во время доклада Ельцину я об этом деле умолчал. Вернулся к себе. Через полчаса он звонит, и я получил очень серьезный втык: почему не рассказал ему о ЧП?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.